

Ли Чжао пришёл к Мин Чжэню с сердцем, переполненным мыслями, которые рвались наружу. Откровения «Небесного свода» о грядущих реформах всколыхнули его душу — он жаждал немедленно обсудить их с другом. А уж абсурдное заявление из превью о «том, кто разделит с ним могилу», и вовсе вызывало неудержимое желание выговориться. Именно с таким бурлящим чувством он и переступил порог.

Но сейчас тёплый солнечный свет, пробиваясь сквозь оконные решётки, мягко ложился на профиль Мин Чжэня, окрашивая его брови и глаза в оттенки золота. Тот сидел спокойно, внимательно слушая, как Ли Чжао то взволнованно восклицает, то уверенно рассуждает, и на каждое слово находил в ответ что-то толковое и уместное.

И вот это самое сердце Ли Чжао, ещё недавно парящее где-то в будущем, вдруг твёрдо опустилось на землю.

Он вдруг понял: торопиться не нужно. Ведь основатель династии — его отец — всё ещё жив и правит. Авторитет и хватка нынешнего императора куда весомее, чем у него, будущего «Святого Предка».

Если он сам, в будущем, сумеет довести реформы до конца, значит, его отец — мудрый и сильный правитель — тем более способен на это. Всё зависит лишь от его воли.

А потому сейчас главное — накапливать силы, чтобы стать твёрдым рычагом в потоке грядущей эпохи. Эта мысль вызвала у Ли Чжао лёгкую усмешку: неужели он собирается «жить за счёт отца»?

В этот солнечный послеполуденный час они словно по умолчанию отказались от тяжёлых тем. Один углубился в книгу, другой взялся за шахматные фигуры. Иногда Ли Чжао, поддавшись внезапному порыву, подходил и нарочно расстраивал изящную позицию друга.

Мин Чжэнь при этом ничего не говорил — просто спокойно перестраивал игру, принимая даже самые беспорядочные ходы Ли Чжао за часть партии. Так они играли, то атакуя, то отступая, и, несмотря на разницу в стилях, достигали своего рода равновесия.

***

В последующие дни императорский двор стал ареной бурных столкновений. Где именно найдены улики по делу о заговоре Ци-вана? Насколько глубоко следует копать? Как поступить с самой Ци-ванфэй, находящейся под стражей? Её ведь нельзя держать в заточении вечно! И, конечно, с чего начать реформу государственных экзаменов? Стоит ли вообще открывать Академию Просвещения?

Каждый вопрос превратился в поле боя для противоборствующих фракций. Ли Чжао впервые в полной мере ощутил мощь ораторского искусства чиновников: цитаты из древних текстов, логические построения, страстные речи — всё это лилось нескончаемым потоком.

Он смотрел на отца, восседающего на драконьем троне, — лицо того становилось всё более измождённым, и в сердце Ли Чжао родилось искреннее сочувствие. Быть императором — дело нелёгкое. На собраниях придворных нужно не только лично удерживать баланс между группировками, но и терпеливо выслушивать бесконечные споры, где каждый отстаивает свои интересы.

А после окончания совета — снова встречи с канцлером и министрами для частных совещаний. Ли Чжао видел, как тени под глазами отца с каждым днём делаются всё темнее, и вся его прежняя неуверенность окончательно испарилась.

Он твёрдо решил: пусть отец пока «работает за двоих». Тот ещё в расцвете сил — вполне может совершить ещё несколько великих деяний. И, судя по всему, самому императору не будет возражения против того, чтобы дополнить свою славу основателя Дашэна новыми подвигами.

Тем временем в народе разгорелись не менее жаркие споры. Если бы в Дашэне существовал список самых обсуждаемых тем, то история Ци-вана и его супруги заняла бы первые три строчки с огромным отрывом.

Ли Чжао даже придумал для них заголовки:

1. «Ци-ван рухнул!»
2. «Идеальная любовь Ци-вана — миф или реальность?»
3. «Разоблачение: отважная воительница, ставшая ванфэй».

Он был в этом уверен: почти все городские рассказы, пьесы и романы теперь так или иначе намекали на эту императорскую тайну.

Обычным людям были куда ближе истории о любви, предательстве и власти, чем далёкие и абстрактные планы реформ. По улицам и переулкам повсюду слышались пересуды; особо впечатлительные слушатели доходили до яростных проклятий.

Ясно было одно: те, кто искренне верил в «идеальную любовь» Ци-вана, теперь, узнав правду, чувствовали себя обманутыми и с яростью «отписывались» от своего кумира.

Вот оно — опасное следствие создания искусственного образа! Сегодня ты герой, завтра — мишень для всеобщего осуждения.

Но помимо наблюдения за политическими интригами и народными сплетнями, Ли Чжао в эти дни не сидел без дела. У ворот его резиденции — особняка Жуй-вана — творилось нечто невообразимое: он получил наглядное представление о том, что такое «искусство дарения подарков».

Люди приходили под разными предлогами: «попросить совета», «передать на хранение»,

«выразить восхищение вашей изысканностью» — и каждый нес что-нибудь с собой. Книжки-редкости, свитки знаменитых каллиграфов, изящные принадлежности для письма, редкие лекарственные травы... Это ещё можно было считать обычным.

Но некоторые умы оказались особенно изобретательными: вместо вещей они дарили людей. Одни предлагали своих советников и клиентов, другие — танцовщиц и певиц. Но самым диковинным стало то, что кто-то поверил в слухи о связи Ли Чжао с Паном Ин и осмелился прислать ему высокого, мускулистого, смуглого юношу в откровенном наряде — вместе с тщательно иллюстрированным альбомом эротического содержания!

«Да что за...» — едва не выругался Ли Чжао.

Помнил он это как сейчас: тёмная ночь, без луны и звёзд. Карета остановилась у ворот резиденции. Он только успел ступить на землю, как из темноты прямо на него выскочила чья-то тень.

— Кто там?! — рявкнул Фугуй.

Не успев приблизиться, незнакомца мгновенно схватили два охранника.

— Раб Пан Бай явился служить господину! — выпалил тот, поднимая над головой документ. — Вот моя купчая!

Сначала Ли Чжао подумал, что это очередной искатель удачи, приславший секретаря. Но зачем тому купчая?

Подойдя ближе и при свете фонарей рассмотрев наряд «служителя», он наконец понял, что имеется в виду под «службой». Наряд действительно был... профессиональным. Ли Чжао даже засомневался: не замёрз ли бедняга за ночь на улице?

А потом он взгляделся в черты лица и догадался.

— Ты точно фамилии Пан? — спросил он холодно, чувствуя, как его раздражает эта попытка сыграть на глупости.

— Господин справедлив, — ответил тот, дерзко взглянув на Ли Чжао и даже покраснев от смущения. — На самом деле я из рода Хуа. Но тот, кто меня прислал, сказал... что если назваться Паном, то вы, ваше высочество, обратите на меня внимание.

Ли Чжао едва сдержал смех: представить этого здорового мужчину, изображающего кокетливую стыдливость!

— И что ещё тебе велел передать твой господин? — спросил он с насмешливым любопытством.

— Ещё... вот это, — из почти ничего не прикрывающей одежды «Пан Бай» извлёк маленький, изящно оформленный альбом.

Ли Чжао кивнул Фугую. Тот подошёл, взял книжицу, раскрыл — и тут же, словно обожжённый, захлопнул её, побледнев.

— Наглец! Кто посмел осквернять его высочество такой мерзостью?! — закричал он, обращаясь к Ли Чжао: — Ваше высочество, не смотрите! Это... это непристойность чистой воды!

Чем больше Фугуй старался скрыть содержимое, тем сильнее разгоралось любопытство Ли Чжао. Он взял альбом сам, раскрыл наугад страницу — и лицо его мгновенно вспыхнуло.

Он сразу понял, что это за «сокровище», и чьим «даром» оно является. С яростью швырнув книгу прямо перед ногами «Пан Бая», он процедил сквозь зубы:

— Передай своему хозяину: пусть сначала сам испробует всё, что нарисовано в этой книге, а потом уже приходит ко мне с такими «подарками». Вон отсюда!

Хотя с тех пор прошло уже несколько дней, воспоминание об этом моменте до сих пор вызывало у него отвращение. «Глаза мои теперь нечисты!» — думал он.

Поначалу Ли Чжао отказывался от всех подарков — он не был настолько наивен. Но после этого случая понял: чем решительнее он отказывается, тем упорнее некоторые чиновники пытаются «пробиться». Это стало невыносимо.

Поразмыслив, он изменил тактику: принял несколько вполне приличных даров, а затем публично разделил их между отцом, матерью и всеми братьями и сёстрами. Мол, «все получают — никто не остаётся ни с чем».

Наблюдатели быстро уловили смысл. Поток желающих «подарить» мгновенно иссяк.

Что чувствовали те, кто получил эти «дары», Ли Чжао не знал. Но отец и мать, судя по всему, были довольны.

***

Ещё один ранний утренний совет. В торжественной тишине зала, после нескольких дней ожесточённых споров и политических манёвров, многие спорные вопросы наконец обрели очертания.

Благодаря сотрудничеству Ци-ванфэй, переписка её мужа с заговорщиками была быстро обнаружена и изъята. Теперь, когда есть и свидетели, и вещественные доказательства, а сам Ци-ван признал вину, суд завершён. Решение остаётся за императором. Согласно закону и общему мнению двора, Ци-вана ждёт чаша с ядом или белый шёлковый шнур. Его сообщники, замешанные в заговоре, уже сидели в темнице, ожидая приговора.

Что до реформы экзаменов, две инициативы получили разный отклик. Предложение о «самопроверке на экзаменах» встретило мало возражений: оно не только очищало систему от коррупции, но и давало честным экзаменаторам шанс получить императорскую грамоту и вечную славу. Поэтому его единогласно одобрили и решили внедрить уже на весенних экзаменах следующего года.

А вот идея «разделения экзаменов по направлениям» оказалась куда хитрее: соблазн войти в историю как автор нового канона оказался слишком велик. Большинство чиновников, внешне сохраняя сдержанность, внутренне горели желанием согласиться. В зале раздавался шёпот одобрения, полный взаимопонимания.

Особенно отличился нынешний министр по делам чиновников: он вышел вперёд с живым блеском в глазах, с воодушевлением доложил, что уже начал работу над составлением новых текстов и готов возглавить проект. Его нетерпение было столь очевидно, что многие переглянулись.

Конечно, нашлись и те, кто язвительно намекнул на его карьеризм. Но по выражению лица императора Ли Чжао понял: отец доволен.

Другие чиновники, хоть и возмущались, что «учение мудрецов» теперь смешивается с посторонними доктринами, не осмеливались открыто возражать: ведь, как предсказывал «Небесный свод», будущий Святой Предок (то есть он сам!) может одним махом отправить их всех в отставку. Поэтому они лишь молча переглядывались — что и означало молчаливое согласие.

Таким образом, на сегодняшний день в императорском дворе оставались лишь два нерешённых вопроса: окончательная участь Ци-ванфэй и судьба Академии Просвещения.

Но никто не ожидал, что прежде, чем по этим вопросам будет достигнут консенсус, в зале раздастся оглушительное заявление: наследный принц добровольно просит лишить его титула!

<http://bllate.org/book/17167/1607066>